

Моск. Комсомолец, 1985, 6 июня, № 130.

«Пушкиниана» Юрия Олеши

НАК и очень многие прозаики, Юрий Карлович Олеша начинал со стихов. В зрелые годы он вспоминал о них с нежностью. У стихов Юрия Олеши было много героев. Но одним из главных, можно сказать, вечным спутником был А. С. Пушкин.

В памяти современников сохранились подробности встречи членов одесского литературного объединения «Зеленая лампа» с Алексеем Николаевичем Толстым в конце 1918 года. Вспоминал об этом и Юрий Олеша.

«Я написал тогда цикл стихов на темы пушкинских произведений, с десятка вещей, каждая из которых являлась своего рода стихотворной иллюстрацией к тому или иному произведению... Они у меня не сохранились, эти юношеские стихи; в памяти лежит только несколько обломков... Это было не совсем плохо!».

«И вот, — продолжает Олеша, — ...собираюсь приступить к чтению и я... Я решил начать как раз с «Пиковой дамы» — стихотворения, которое было признано всеми, как лучшее в цикле. В первой его строфе приводилось описание зала, где происходит карточная игра. Самой строфы не помню, но обломок — вот он:

Шеренга слуг стоит, и
свечи
Коптят амуров
в потолке...».

Этот «обломок» Олеша цитирует не совсем точно. Впрочем, вторая строка верна, и именно она вызвала смех А. Толстого. «То есть, как это копят амуров? —

спросил он. — Как с окороками это делают, что ли?».

Через много лет Зинаида Шишова написала: «Юра был очень и очень огорчен. Авторитет Алексея Николаевича был для него неоспорим... И все же мне казалось, что Толстой неправ... Алексей Николаевич со мной согласился...».

Все это давно уже принадлежит истории литературы. Но стихи Олеши сохранились. «Пиковая дама», «Каменный гость», «Моцарт и Сальери». К ним примыкают два стихотворения: вступление к оставшейся ненаписанной поэме «Пушкин» — попытка взломать лед традиционных оценок, и «Пушкин» — размышление над днями южной ссылки да и вообще жизни поэта. Все они отыскались в старых одесских журналах, потому что, как утверждал Юрий Олеша, «ничего не должно погибать из написанного».

Пушкин

Моя душа — последний атом
Твоей души. Ты юн, как я,
Как Фауст, мудр. В плаще
крылатом,
В смешном цилиндре —
тень твоя!
О смуглый мальчик! Прост
и славен
Взор, поднятый
от школьных книг,
И вот дряхлеющий
Державин

Склонил напудренный парик.
В степи, где плугом путь
воловогий
Чертила скифская рука, —
Звенела в песнях южной
крови
Твоя славянская тоска.
И здесь, над морем ли,
за кофе ль,
Где грек считает янтари, —
Мне чудится арапский
профиль
На фоне розовой зари, —
Когда я в бесконечной
мук
Согреть слезами не могу
Твои слабеющие руки
На окровавленном снегу.

Пиковая дама

Швырнул шинель. Прошел
упруго,
Блестя в паркете.
Игроки.
Затянуты затылки туго
В галунные воротники.
Вошел. Слуга склоняет
плечи,
В чулках и белом парике.
Струится синий дым, и
свечи
Коптят амуров в потолке.
В трюмо повторенный,
весь в белом,
Сиятельный кавалергард.
Сукно, запачканное мелом,
Зеленое — рябит от карт.
«Здорово, Германн!» —
Он поклоня
Не замечает. Подошел.
И профилем Наполеона
Склонился и глядит на стол.
Стопились, кто-то звякнул

шпорой,
Облокотившись на сукно.
И оглянулся тот, который
В бокалы наливало вино.
Почудилась улыбки
прелесть,
И плечи в бантах,
взгляд — и вдруг:
Чепец, трясущаяся
челюсть
И вены исхудалых рук.
А после тягостно и прямо
Посмотрят мертвые глаза
И ляжет пиковая дама
Взамен счастливого туза.

Каменный гость

В голубизне вечерних окон
Тревожны взлеты поздних птиц,
Печален взор и темный локон
Дрожит у траурных
ресниц.
О, Донна Анна! вздрогнут
плечи,
И мягко изогнется стан,
И легким вздохом будет
встречен
В ботфортах пыльных
Дон-Жуан.
И может быть — но так
не скоро —
Забудется для нежных губ
Печаль над телом
Командора
И звуки похоронных труб.
Но будет слышно, как
по залам
Пройдет меж слуг,
упавших ниц,
Он — и протянется
над бокалом
Ужаснейшую из десниц.
О, Дон-Жуан! А на погосте,
Где ивы, ирисы и тишь —
Над ликом Каменного
гостя
Летучая метнетсямышь.

Публикацию подготовили:
Е. ГОЛУБОВСКИЙ,
А. РОЗЕНБОЙМ.